

Среди развернувшейся суматохи в сознание Дэвида обрушилась приливная волна воспоминаний. Натиск боли был жестоким, мимолетным, но жгучим испытанием, которое утихло прежде, чем воздух смог пронзить единственный крик. Постепенно эти волны тоски отступили, оставив после себя осадок острых ощущений. Разум Дэвида стал холстом, на котором был нарисован образ 11-летнего мальчика. Пробираясь сквозь эти яркие воспоминания, его охватило всепоглощающее недоверие.

По иронии судьбы Дэвид перевоплотился в Эдварда, фигуру, окутанную тенями Средневековья – судьба, отягощенная несчастьями и завуалированной значимостью. Среди множества Эдвардов той эпохи он был менее известен, но его повествование было столь же сложным, как и любое другое. Этот Эдвард, происходивший из благородного рода Платагенетов, занимал уникальное положение как единственный сын принца Томаса, 1-го графа Норфолка, и внук покойного короля Эдуарда I — родословная, имеющая историческое значение.

Проходя через полотно жизни Эдварда, Дэвид столкнулся с приводящей в замешательство реальностью. Тот самый мальчик, о котором он размышлял, отправляясь в свое роковое путешествие, стал его телом в этом новом существовании – существовании, переплетенном с транспортным средством смертности. Глядя в зеркало Эдварда, пугающе хрупкого и явно юного, прозрение Дэвида становилось острее. Решительным шагом он отважился от своей кровати к ожидающему его чашу с водой, сосуду, принесенному загадочной служанкой, назначение которого окутано тайной.

Когда его голова склонилась над раковиной, на него уставилось ясное отражение — образ, определяемый волосами цвета воронова крыла, ниспадающими до средней длины, и лазурными глазами, которые создавали поразительный контраст. Сильная линия подбородка бросала вызов общепринятому представлению о европейском дворянстве, характеризующемся более слабыми чертами лица. Среди этих наблюдений зародилось невысказанное предвкушение, предвидя будущее, в котором его внешность превратится в красоту. Однако такие перспективы оставались завуалированными в песках времени.

Среди этих размышлений эхо приближающихся шагов достигло ушей Дэвида с такой настойчивостью, что у него участился пульс. Дверь в его покои, пространство, превосходящее стандарты среднего дворянина, привлекла его внимание. Имея впечатляющую высоту десять футов, комната занимала обширную площадь — царство, где доминировала двуспальная кровать, одинокий круглый стол, готовый для уединенных трапез, шкаф для его вещей и коллекция произведений искусства, которые можно было бы сойти за ничем не примечательный по современным меркам.

Сама кровать могла похвастаться роскошью: она была украшена перьевым матрасом, покрыта мехом и прочным покрывалом, предназначенным для защиты от холода даже в самые холодные месяцы. Острая наблюдательность Дэвида распространилась на герб, украшавший различные углы комнаты — знакомую эмблему, принадлежащую прославленному роду Плантагенетов, свидетельство его благородного происхождения.

Однако, прежде чем его размышления смогли полностью раскрыться, дверь с грохотом распахнулась. Движение его мыслей резко остановилось, когда его колеблющийся разум снова сосредоточился на вторжении, порог которого теперь был преодолен невидимой силой.

— Эдвард! — проревел высокий мужчина, фигура размером около 6 футов 1 или 2 дюймов. Его одежда — рубашка с круглым вырезом, доходившая до бедер, скрепленная бюстгалтером на талии, — была дополнена туникой длиной до колен. В соответствии со сдержанной модой Англии XIV века одежда имела минимум украшений. Короткие черные волосы украшали его

голову, повторяя волосы Эдварда, а борода средней длины подчеркивала его строгое лицо. Собрав воедино эти визуальные сигналы, Дэвид, теперь принявший мантию «Эдварда», понял, что это был не кто иной, как его отец, граф Томас Норфолк, ключевая фигура в королевстве как принц Англии и один из главных советников короля. .

— Да, отец, — ответил Эдвард, размеренный ответ на зов отца.

Томас быстрыми шагами сократил расстояние, его глаза оценивали сына с головы до пят, на его лице отразилась смесь беспокойства и облегчения. — Т-ты в порядке? — спросил он, его голос дрожал.

— Насколько я могу судить, мое тело не повреждено, — ответил Эдвард, его тон был пронизан неуверенностью.

В словах Томаса прокатилась волна благодарности. — Слава богам. Тебе что-нибудь нужно?

— Отдых пойдет мне на пользу, и, возможно, выбор книг займет мое время, — попросил Эдвард.

— Очень хорошо. Я поручу библиотекарю позаботиться о твоих нуждах. И позабочусь, чтобы ты присоединился ко мне сегодня вечером за ужином, — приказал Томас.

Когда Томас вышел из комнаты, Эдвард был ошеломлен. Репутация Томаса как Плантагенета предшествовала ему, однако эта встреча открыла ранее невиданную грань — нежность, присущую его единственному сыну.

Сидя на краю кровати, Эдвард пытался вспомнить подробности о человеке, который теперь считал своим отцом, и о своем прошлом. Он знал, что Томас занимал важную должность под названием граф-маршал, которую давали могущественным графам. Но их жизнь сложилась совсем иначе. Его собственная история была загадкой: он был известен как Эдвард Норфолкский и должен был умереть в 1334 году по причинам, которые никто не понимал.

Чувствуя любопытство, Эдвард встал и начал искать где-нибудь календарь. Он не нашел ни одного. Итак, он пошел в коридор и спросил слугу: «Эй, какое сегодня число?»

Слуга ответил: «Это 10 августа 1334 года, с того времени, как родился Иисус, милорд».

Эдвард был потрясен. — Вчера должно было быть 9 августа, — подумал он. — «День, когда молодой Эдвард должен был умереть. Но я здесь, живой». Он закрыл дверь и вернулся в свою комнату, глубоко задумавшись. Он задавался вопросом, почему он оказался в теле ребенка. Он рассматривал разные причины, но ни одна из них не имела смысла. Он понял, что индуисты и буддисты, возможно, были правы относительно реинкарнации или перерождения. Как бы это ни называлось, это не помогало ему понять его ситуацию.

В дверь раздался стук, а затем голос: «Помощник библиотекаря, милорд».

— Пожалуйста, входите, — ответил Эдвард.

Вошел молодой человек с каштановыми волосами и сел на стул возле стола. «Сэр библиотекарь послал меня записать ваши запросы на книги», - объяснил он.

— Конечно. Мне нужны книги по английской истории, пэрству, Плантагенетам и экономике, — попросил Эдвард.

Быстрыми взмахами пера мужчина записал требования на лист бумаги и быстро удалился. Вскоре после этого в комнату Эдварда прибыла коллекция книг. Он углубился в чтение (привычка, перенесенная из его предыдущей жизни), посвятив пять часов поиску знаний.

Со страниц Эдвард впитал в себя панораму идей. Прежде всего, он осознал, что живет во времена обманчивой стабильности. Хотя на бумаге английский трон казался прочным, в королевстве царил хаос. Королева-мать Изабелла Французская организовала восстание против своего мужа Эдуарда II, который приходился Эдварду дядей. Роджер Мортимер, любовник Изабеллы, и его собственный отец, граф Томас, поддержали восстание. В 1327 году восстание увенчалось успехом, что привело к свержению Эдуарда II и последующей казни. Его двоюродный брат Эдуард III был коронован королем, однако Изабелла и Роджер фактически правили от его имени в качестве регентов в течение трех лет. Кроме того, сам Эдвард был помолвлен с дочерью Роджера, Беатрис Мортимер, которая была на четыре года старше его.

1330 год ознаменовал решающий сдвиг: успешный государственный переворот сверг регентство Роджера. Эдуард III укрепил свою власть и учредил консультативный совет, чтобы успокоить влиятельных графов. Отец Эдварда был его членом, хотя король часто отдавал предпочтение другим советникам по очевидным причинам. Теперь королевство окружено сетью соперничающих претендентов на трон — принцессы Джоан, принцессы Элеоноры, графа Томаса, самого Эдварда, графа Джона и многих других. Хаос казался неизбежным.

Эдвард также освежил свое понимание преобладающей структуры пэров в Англии: король > граф > барон > рыцари. Примечательно отсутствие таких титулов, как герцог, маркиз или виконт. Эрлз в тот момент обладал мантией власти.

Когда приближался час ужина, Эдвард привел в порядок свой стол, сформировав стопку книг, которую принес слуга. Он вышел из комнаты и направился в холл, где был накрыт длинный стол для семейного вечернего обеда. Осматривая сцену, он заметил трех человек, сидевших по бокам, а в центре человека, в котором он узнал Томаса, — своего отца и главу поместья.

<http://tl.rulate.ru/book/95930/3279804>